

Биологические часы заставили Фэн Жосюэ проснуться в привычное время. Стоило сознанию проясниться, как тело отозвалось целой гаммой тонких, но отчетливых ощущений, мгновенно вырвав её из остатков сна.

Это было совсем не то легкое нытье в пояснице, что в прошлый раз. Сейчас она чувствовала себя гораздо хуже... словно её разобрали на части и собрали заново. Каждая мышца отозвалась болезненной слабостью от перенапряжения, а в самых сокровенных местах до сих пор ощущалась странная, пугающая тяжесть. Поясницу по-прежнему обхватывала тяжелая рука, удерживая в теплых, но ставших для неё сущим наказанием объятиях.

Воспоминания нахлынули волной: холодное панорамное окно, жаркие объятия, запястья, прижатые к стеклу, обжигающее дыхание человека за спиной, непреклонная сила и те обрывочные, постыдные детали, о которых не хотелось даже думать.

— А-а!

Кровь мгновенно прилила к щекам, ушам и, казалось, ко всему телу. Фэн Жосюэ охватил стыд и гнев. Она инстинктивно дернулась, пытаясь вырваться из захвата виновницы своих бед.

Стоило ей пошевелиться, как та, что была за спиной, тут же отреагировала. Рука на талии сжалась крепче, а у самого уха раздался хриплый, ленивый со сна голос Су Яо:

— Проснулась?

Эти два слова подействовали как искра, брошенная в пороховой погреб.

Фэн Жосюэ резко развернулась, забыв о боли в теле, и изо всех сил толкнула Су Яо, хотя удар вышел слабым и совершенно безобидным. Она подняла глаза, и веки тут же покраснели — не от слез, а от чистого возмущения. Глядя на это лицо, находившееся в опасной близости и выражавшее лишь лень и довольство после ночи, она выплеснула всю обиду и стыд:

— Ты плохая!

Голос звучал хрипло и гнусаво, и это прозвучало не как обвинение, а скорее как капризная жалоба.

Су Яо на мгновение замерла от такой внезапной атаки, а затем в её глазах заплясали искры веселья. Она не только не рассердилась, но и протянула руку, нежно погладив подушечкой пальца покрасневшую щеку Фэн Жосюэ, и ответила с ноткой снисходительности:

— М-м, плохая.

Такое спокойное признание заставило Фэн Жосюэ почувствовать, будто её гнев ударился о вату, отчего стало только досаднее. Она отмахнулась от руки Су Яо и продолжила перечислять свои претензии:

— Ты... ты вчера... обещала, что не тронешь меня!

Она бросила полный стыда и ярости взгляд на огромное панорамное окно.

— И... в таком месте... А потом... так долго... — Голос становился всё тише, а щеки — всё краснее. — У меня всё болит! Поясница ноет... ноги как ватные... это всё из-за тебя!

Чем больше она говорила, тем сильнее чувствовала себя жертвой, а виновница этого безобразия вела себя так, словно ей всё нипочем!

Су Яо слушала эти тихие, но полные праведного гнева обвинения, смотрела на раскрасневшееся лицо, влажные уголки глаз и часто вздымающуюся грудь, и чувство злорадного удовлетворения почти переполняло её. Её Сяо Сюэ была такой милой, даже когда злилась.

Она придвинулась ближе, почти касаясь носом лица Фэн Жосюэ, и, глядя на неё горящим взглядом, понизила голос до вкрадчивого шепота:

— Где болит? Помочь растереть?

С этими словами рука, до этого мирно лежавшая на талии, начала недвусмысленно скользить вниз.

— Не надо! — Фэн Жосюэ в испуге отпрянула, завернулась в одеяло и откатилась на другой край кровати. Она смотрела на неё с опаской, словно испуганный крольчонок. — Уйди! Не смей ко мне прикасаться!

Видя, как она ошетижилась, Су Яо не выдержала и тихо рассмеялась. Звонкий смех разнесся по пустой спальне.

Она больше не стала наступать, лишь подперла голову рукой и с удовольствием наблюдала за Фэн Жосюэ, которая свернулась в кокон из одеяла, выставив наружу лишь глаза, выражавшие крайнюю степень возмущения.

— Хорошо, не буду, — послушно согласилась она, хотя в её тоне отчетливо слышалось сожаление. — Тогда... чего хочешь на завтрак? Я прикажу приготовить. Или, может, отнести тебя в ванну? С горячей водой будет легче.

Фэн Жосюэ натянула одеяло до самого носа, оставив снаружи только пушистую макушку, и буркнула:

— Не хочу! И в ванну не пойду!

Ей не хотелось ни двигаться, ни видеть этого мерзавца, который так её изувечил.

Су Яо видела, что малышка действительно смущена и рассержена. Она откинула одеяло, встала с кровати и с грацией накинула халат.

— Тогда я пойду распоряжусь, приготовят всё, что ты любишь. — Она подошла к кровати, наклонилась и, не обращая внимания на попытки Фэн Жосюэ увернуться, быстро поцеловала её в лоб. — Умница, лежи еще немного, я позову, когда будет готово.

Сказав это, она вышла из спальни, оставив Фэн Жосюэ наедине с её негодованием.

Услышав, как закрылась дверь, Фэн Жосюэ осторожно выбралась из-под одеяла. На лбу всё еще ощущалось тепло от поцелуя, а в воздухе, казалось, витал нежный аромат Су Яо.

Она оглядела роскошную, но совершенно чужую спальню, вспоминая всё, что произошло ночью, и тот взгляд, полный обожания и снисходительности...

Кажется... помимо физической боли и жгучего стыда... в глубине души... она не была так уж сильно расстроена?

Более того, в тех обрывочных воспоминаниях, от которых бросало в жар, словно... скрывалось что-то еще... невыразимое, трепетное... приятное?

От этой мысли её щеки, только начавшие остывать, снова вспыхнули.

Она снова зарылась в мягкое одеяло, вдыхая успокаивающий запах Су Яо, и тихо проворчала:

— Гадина...

Голос прозвучал мягко, с ноткой сладости, которую она сама еще не осознавала.

<http://bllate.org/book/21400/2182959>